

Пролог

Закат созидającego Атума

О друзья мои, ах, враги мои: как красиво они горят!

Горело правда красиво — звучными вспышками. Но перед тем как рассмеялось немым голосом пламя, была первая искра — а до этого...

Дым дурманил голову и щекотал ноздри даже на улице, в жидком петербургском вечере, разбавляемом газовыми фонарями. Он тонкими струйками, будто нитями паутины, тянулся из щелей и окон, пытаясь добраться до пухлой полупрозрачной луны, но таял призраком, давно забывшим, почему скитается по брэнной земле. Дым манил и тянул, соблазнял немногочисленных прохожих свернуть с пути...

Дым без огня.

Дым опиума.

Курительный салон «Нефертити» с золотой лепниной явно не стеснялся своего гордого названия, хоть и расположился в одном из самых бедных районов, рядом с обшарпанными домами без серебряных спилей и трущобами — хлипкими, будто чахоточными, готовыми в любую минуту развалиться с мерзким треском. Хозяева заведения были людьми смышленными — знали, что опиум дорожает и отходит на второй план, становясь наркотиком элитным, как никогда прежде. Отсюда и «Нефертити»: всё же досуг для особ царских, не столько по статусу, сколько в душе, — таких всегда больше. Корона не отягощает их головы заботами, но дает необходимый масляный лоск. К тому же чем глубже спрячешь курильню в лабиринтах города, тем проще вести бизнес. Знают лишь те, кому нужно.

Проще. Но только не этим проклятым продавцам модного наркотика — песка Сета.

Если из «Нефертити» дым выползал тонкими струйками, то внутри, в духоте, он застилал зрение зыбкой яичной пленкой. Она притупляла сначала взор, потом сознание. Аромат персикового дерева — а чего еще здесь ждать? — смешивался с неуловимо наркотическим, аморфным, словно подстраивающимся под каждого клиента. Каким захочешь, таким запахом он и будет. Людям, лежавшим на кушетках в окружении мягких бархатных подушек, это явно нравилось.

— Бо-оги, — протянула дама в платье с чрезвычайно глубоким декольте. — Не думала, что мы будем курить эту дрянь после явления богов Старого Египта. А мы...

Мужчина в расстегнутой рубашке, раскрасневшийся, с блестящей от пота грудью, затаился из длинной толстой трубки в виде грифона и закатил глаза, вдыхая дым. С минуту помолчал, а затем откинулся на подушки и продолжил праздный разговор:

— Дорогая, Китай — дело тонкое! Они не прекратят баловать нас этой своей забавой до конца дней. И никакой песок Сета им не помеха.

— Да-а-а... — И дама затянулась из трубки. После долгой паузы добавила: — Хорошо их, однако, бритты нафаршировали... * ух, ух как... ой как хорошо...

— Лучше бы бритты нафаршировали меня одного, обошлись бы без войн. В меня влез бы весь их опиум, — хотнул мужчина.

К ним подошел китаец в традиционном костюме и принес два бокала пузырящегося шампанского. Заодно положил рядом газету — свежий выпуск «Северной пчелы» от 15 апреля 1842 года. Отклонялся и удалился, оставив гостей наедине.

— Новости. — Мужчина потянулся за газетой, но только с четвертого раза подхватил ее. — Новости — это всегда хорошо. Ну или... э-э... ух... как минимум интересно.

Мужчина пробежал взглядом по страницам, пытаясь уловить смысл слов, скользящих по краю задурманенного сознания.

— О-о! Уже знаешь новость, дорогая?!

— Как я могла бы узнать, если ты забрал обе газеты?

— Разве?

Мужчина разомкнул пальцы. На подушки свалилась вторая «Северная пчела», слипшаяся с первой. Мысли зацепились, спутались в клубок. Вытерев платком пот со лба, мужчина перескочил к другой теме:

— Ты посмотри! Они везут к нам сердце Анубиса! Прямо из Парижа!

— Анубис и Осирис... — пробубнила дама, сверля глазами бокал шампанского, словно гипнотизируя его. Ей хотелось, чтобы блаженные пузырьки поскорее ударили в голову. — И случилось нам здесь сердце бога? Своего хватает...

* Имеется в виду период опиумных войн середины XIX века. В то время Китай старался огородить себя от внешнего влияния, однако Британская империя получила огромный контроль над его рынком, незаконно поставляя опиум. В Китае продажа опиума была запрещена указом императора.

— Ну-ну-ну, — поцокал заплетающимся языком мужчина. — Дорогая, не заставляй меня краснеть! Даже нищие знают, что нашли сердце всего одного бога, и его — его! — на неделю привозят к нам. Тут вроде написано, что в Пасху его будут выставлять для паломничества и научного ин-те-ре-са...

— Вроде! — усмехнулась дама, но дальше ее голос ослаб. — Мой муж не может прочесть газету, которую держит у самого носа!

— Моя жена не знает простых истин!

Они ухмыльнулись и рассмеялись. Смех звучал неестественно, будто тоже опьянел от дыма — сладкого, дурманящего, вездесущего, стирающего грани реальности. Мужчина вновь промокнул лоб, потянулся за бокалами. Чуть не разлив один, всё же подал напиток жене.

— За это и люблю тебя, дорогая. За нас!

— За это и люблю тебя, дорогой! За нас! И... — она задумалась. — За старый мир, который был куда проще.

— За старый мир...

Мужчина залпом выпил бокал. Дама только-только поднесла свой к пухлым губам, как вдруг остановилась — принюхалась, нахмурилась. Подошедший китаец забрал газеты и серебряный поднос. Мужчина махнул рукой, и слуга заодно прихватил пустой бокал.

— Дорогой? — Дама все принюхивалась, провожая мужчину настороженным взглядом.

— А?

— Ты ничего не чувствуешь?

— Конечно нет, я обкурился вместе с тобой...

— Нет, я имею в виду... чего-то странного... ай, ладно, забудь, мысли — кони привередливые. И тот мужчина... тебе не показалось, что это был не китаец?

— Китаец, не китаец, какая разница. Азиаты, ха! Главное, что он тут всё делает, пока мы отдыхаем. Заслужили! Верные

слуги Его Императорского Ве-ли-чи-я, да будет он жив, здоров и могуч! Я, между прочим, давно говорил, что эта их китайская традиционная театральность — пережиток прошлого...

Прежде чем «Нефертити» взорвалась и стремительно вспыхнула, чета услышала звон бьющегося хрусталя — резкий, будто начерченный ровной геометричной линией.

Люди в соседних домах просыпались, выбегали на улицы. Смотрели, пытались помочь — суетились во внезапном хаосе, сменившем воздушную тайну наступающей ночи и загадку грядущего дня. В суматохе никто не заметил, как за мгновение до взрыва, принесшего голодное пламя, из «Нефертити» вынырнул человек. Он скинул с себя китайский наряд, потерял тонкие руки с набухшими фиолетовыми венами...

...и как же красиво они горят, — подумал незнакомец, наблюдавший за пожаром из тени трущоб; незнакомец в мешковатом балахоне, из-под капюшона которого торчала густая борода — странная, словно уложенная зигзагами и змеиным языком двоящаяся книзу. Незнакомец видел вынырнувшего за мгновение до взрыва человека. И наконец, будто общаясь с мраком на его шепчуще-приглушенном языке, не словами, а оттенками света и тени, проговорил:

— Занятно... Надо рассказать гранд-губернатору, это будет очень полезно... Занятно, весьма занятно.

